

ЗНАМЕНОСЕЦ

(Из воспоминаний П. А. ЗАЛОВОВА *)

Идея открытого демонстративного выступления против самодержавия становилась все более популярной — надо было решать вопрос о знаменосце. Я узнал, что есть статья закона, которая за публичный призыв к ниспровержению существующего порядка карает смертной казнью через повешение.

Надо было провести демонстрацию так, чтобы произвести впечатление на рабочие массы. Малейшая трусость, малейшая нерешительность знаменосца привела бы на массы непоправимо плохое впечатление. Я пришел к выводу, что самым подходящим знаменосцем буду я, и дальнейший ход подготовки к демонстрации подтвердил это.

Лозунг: «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Да здравствует социальная демократическая партия!», «Долой самодержавие!» — были приняты без прений. Вынесено было решение, чтобы товарищи, не известные полиции и сыскарям, в демонстрации не участвовали и оставались на смену тем, которые будут арестованы. Самую демонстрацию решено было провести 1 мая.

Под конец собрания я заявил, что знамя с лозунгом «Долой самодержавие!», понесу я, что это мое право, как самого старого социал-демократа и фактического руководителя сорной организации.

Сложка все усиливалась, трудно стало провозить прокламации. Пришлось прибегнуть к помощи моей матери, Анны Кирилловны Заловой, у которой имелся уже некоторый опыт. Первый раз она возила запакетованный в рогожу тук прокламаций в Иваново-Вознесенск во время иваново-вознесенской стачки.

Перед демонстрацией она привезла в Сорную прокламации в ведре, прикрыв их сверху кислой капустой.

Мать же привезла и знамена.

Первого мая мы, партийцы, на работу не пошли, хотя с самого утра шел дождь, и демонстрация, согласно постановлению общего собрания, должна была быть перенесена на первое воскресенье мая.

Собрались у Александра Соркина чепуха десять с гулькин, гитары, мандолины. То играли, то беседовали. Время тянулось. Дождь то пережидался, то снова за лиз. О обеде погоды стало удачливаться. Стали поступать сведения, что на главной улице собираются рабочие, женщины, детвора. Еще с утра носились слухи, что привезли два орудия и в запасных мастерских спрятаны две роты солдат. На главной улице народу было тысяча до пяти. Быстро стали собираться партийцы. С пенем революционных песен, с криками «Долой царя!», «Долой самодержавие!» мы три раза прошли запряженную рабочими часть улицы.

Прибытие солдат сильно увеличило положение, так как давало возможность сильнее ударить по сознанию рабочих масс. Я решил со знаменем в руках идти по пути на солдат, чтобы они подыкали меня на штыки на глазах всей рабочей массы, считая, что это произведет гораздо более сильное впечатление, чем мое появление где-то в засаде.

Когда мы пришли в ожидавший товарищизм, я первым делом позвонил их с дальнейшим планом демонстрации. Я указывал им, что в интересах дальнейшей революционной работы мы должны сохранить возможно большее количество товарищей, а поэтому мы должны будем организованно отступить и слиться с толпой, когда солдаты будут близко. Сигналом к отступлению должно было служить склонение знамени. Все товарищи с этим планом согласились без возражений. Знамена были привязаны к хвостам.

Мы двинулись вперед, чтобы рабочая масса могла читать надписи, знамена все время поддерживали в развернутом виде. Мы шли по направлению к Дарьинской проходной. Пели «Варшавянку», а перед самым столкновением с солдатами «Вы жертвою пали». Мы шли по живописной дорожке среди сплошной толпы, заполнявшей обе стороны очень широкой улицы. Наше движение сопровождалось криками «Долой царя!», «Долой самодержавие!».

Мы стали уже близко подходить к

ручку, который разлившийся от дождя перебежал улицу; в этот момент раздались барабанный бой. Из переулка вышла рота солдат в полном боевом снаряжении, с патронными сумками.

Мы шли и пели, мы были в центре внимания рабочих масс. Расстояние между нами и солдатами быстро уменьшалось. Мы были безоружны против вооруженных до зубов солдат, но ни один товарищ не дрогнул, не выступил из рядов. Мы шли и пели. Вот офицер громко скомановал: «Ружья на руки, бегом марш!».

Мы уже дошли до ручья — солдаты с штыками на перевес ринулись на нас. Момент — и два малых знамени были сорваны с древков и спрятаны под пиджаками.

Меня охватывало нетерпение. Мне казалось, что солдаты двигаются слишком медленно, — я прибавил шагу. И вот уже бледные, испуганные лица... «Вот так бейте, мальчишка, в мозгу торжествующая мысль. Я танцую с штыками. Сейчас».

Знамя вырвал офицер. Мои руки были схвачены. В грудь, в спину, в плечи посыпались удары прикладов, чьи-то руки шарпили по карманам. В экстазе я не почувствовал боли, но крикнул солдатам: «За что вы меня бьете? Разве я разбойник или вор?».

И разом прекратились удары, опустились приклады. Потом я сказал солдатам: «Что вы меня держите? Я и так нигде не убею». Руки разжались, но своих рук я не мог поднять, они беспомощно опустились и повисли, как плети.

Меня взяли в кольцо и повели. Сзади шла рота солдат. Шагая, считал солдат. Их было двенадцать, и опять в мозгу гордая, торжествующая мысль:

Бойтсся. Одного. Безоружного, что же будет, когда мы все будем сознательными?

*) Помещаю отрывок заимствован из воспоминаний знаменосца первоймайской демонстрации 1902 года в Сорново, героя известной повести Горького «Мать», Петра Андреевича Залова, проживающего ныне в Судже.

ПОХОДНАЯ МАЕВКА

Шли первоконники. Ворошилов и Буденный уловили Первую Конную в исторический тысячекilометровый переход с Южного и Кавказского на Польский фронт.

Одиннадцатая дивизия с боевой песней идет на Западный фронт. Горячие были денечки! Потомственные пролетарии — туляки, москвичи, уральцы и питейцы — обветренные, суровые герои Одиннадцатой кавалерийской — вписали в историю не одну блестящую страницу ни с чем несравнимых побед. Именно здесь, в многонациональной пролетарской дивизии, роилась знаменитая «буденновка», которая плотно вписана в легендарные подвиги Первой Конной.

Наступил май. Уже далеко позади остались бескрайние украинские степи. Уже закончен разгром Махно, уничтожена банда Тютюнника.

После тяжелых походов в лютые морозы и лихих кавалерийских боев рахует мирное передвижение! Отдыхали истощенные в схватках бойцы. Да и коней не унять: тугие, крепкие корпуса ложатся на солнце. Идут бокором, вытаскивая.

Недалеко от города Умани дивизию встретил Михаил Иванович Калинин. Это

была теплая встреча лихих рубак Одиннадцатой кавалерийской со всеюзнанным старостой. Встреча вылилась в мощную походную маевку.

В присутствии славных полководцев Первой Конной гг. Ворошилова, Буденного Михаил Иванович вручил Одиннадцатой дивизии почетное знамя от ВЦИК. За беспримерную удачу! За героическое бесстрашие! За безграничную преданность пролетарской революции!

Задорно смеялись бойцы. Бились сердца буденновцев резко и часто. Возбужденные лица чуть-чуть рделись румянцем. В улах губ застыли глубокие волевые складки. Волнующая, походная маевка!

Клялись буденновцы не выпускать знамя, завоеванное в боях и переходах.

— Порубаем врагов, — говорили лихачи.

После памятной маевки опять короткий переход. Яркие зеленые ковры полей сталины впереди. Скачут всадники. Несется боевая песня:

«Иль ты не слышишь, Иль ты не видишь, Буденновцы идут!»

Е. УБЕРСКИЙ.
«Н.З.»

На снимке: большая перваямайская демонстрация в Лондоне в 1892 г., в которой участвовали Ф. Энгельс и Элеонора Маркс — Эвелин, Степанин и др. (3-й справа — в котелке Ф. Энгельс, на переднем плане — Элеонора Маркс).

ПЛАКАТ

Андор Габор

Пятеро молодых ребят из Ваддингера бродят по Платентштрассе. Они шли в загородный поселок «Весна Германия». Раньше он назывался «Мировой Октябрь». Там на футбольном поле они обогот хорошо потренировались. Правда, их футбольный стаж не так уж велик. Только в гитлеровские времена стали они такими заядлыми спортсменами.

«Больше голов, чем потажи!» — побилась поговорка маленького стратара Алекса Гривовского. Сейчас с футбольным мячом подмышкой он шел в первой паре и громко, покаял, да еще с шумом громко, разговаривал с Вилли Геттельем. Вилли Геттелье, хотя и не был «мировым известностью», однако слыл «вторым специалистом» (первым был, конечно, Алекс Гривовский) в этой своеобразной спортивной группе.

Первого мая должны забыть мировой год, слышишь, Вилли? — орал Алекс. В этот момент они порывались с афишной колонкой. Вся она сплошь была заклеена свежими фашистскими плакатами о первом мая — «дне национального труда».

Не дожидаясь от Вилли ответа, Алекс вдруг высоко подбросил мяч и издал дикий вопль «Хайль Гитлер!» Четверо друзей в недоумении уставились на Алекса.

— Ты что, обалдел? — спросил Вилли Геттелье.

— Ничего не обалдел! Совсем даже напротив. Поймал идею! Ну, и идею! Впрочем, подробности на месте...

Игра продолжалась. Мяч переходил из рук в руки.

— Однако шито уже на месте, — уткнувшись минутку, бросил Алекс. («Пятно» — это плакат). — Золото это, а не пятно, ребята!

— Что за пятно, Алекс? — спросил Вилли.

— А этих, знаешь, господ соседей.

(«Соседи» — это «наци»).

— И поэтому ты так и обрадовался?

— Да, поэтому... Видели вы его пятно, братишки?

— Подумаешь! Пятно, как пятно. Всегда такие вымывались соседи...

— Хо-хо-хо, — загрохотал Алекс. И снова мяч высоко взметнулся над полем. Ведь он в конце-то концов стратар. Да и на поле не один только они играли.

— Ребята, ведь это пятно точно для нас сделано!

Мяч то летал над полем, то катился по земле в вратарю и обратно. Между ударами по мячу Алекс провозглашал:

— Во всех четырех углах четырех круга, а в каждом «1 мая»...

— Ну, ну, дальше...

— Сверху два слова и снизу два слова, а посередине паук... (Все знали, что «паук» — это охватка).

— Ну, а мы-то здесь при чем? Нам-то какая радость? — недоумевали ребята, посылая мяч снова в «ворота».

Не глядя на ребят (он следил за мячом), Алекс окказал:

— Ребята, нужно десять марок, можно их добыть завтра?

На следующий день утром у Алекса было много дела. Он нарядился в свой лучший костюм и пошел бродить по улицам, особенно по тем, где были колонки с плакатами. Не спеша, он ходил взад и вперед мимо плакатов, тщательно их изучая, стараясь поточнее запомнить размер букв на плакате «наци».

Плакат был примитивен: на красном фоне белые буквы, посредине белый круг, в котором сидел черный «паук».

— Так, так, — бормотал Алекс. — Стало быть, нашей полоской закрыты белый круг с черным пауком. Пожалуй, не больше тридцати сантиметров в высоту и двадцати в ширину...

Он сделал набросок, бел в карандаше и поехал в Нейкельне. Там он зашел в первую же маленькую типографию.

— Я хотел бы получить у вас справку насчет стоимости небольшого заказа... И если господин Каффе, наш хозяин, будет доволен, мы передадим вам все наши заказы на бланки, счета и тому подобное.

— В чем же дело? — услужливо спросил хозяин типографии.

— Двести полосок, тридцать на двадцать сантиметров, сколько будет стоить? — Зависит от текста.

— Одно слово. Всего пять букв. На красном фоне белые буквы.

Ударил по рукам. Алекс начертил буквы в натуральную величину.

— Значит, только слово «Интер»?

— Да, только это слово. Это, видите ли, рекламный знак нашей фирмы. Когда будет готово?

— Послезавтра к вечеру.

Вечером Алекс получил от Вилли Геттелье деньги. Вилли, оказывается, говорил с одним из руководителей района Моабит. Тот пришел в восторг от идеи Алекса и готов был взять для своего района штук триста.

— Стоп! — крикнул Алекс. — Махну в типографию, может быть, удастся заказать еще триста, так будет дешевле...

Он поехал в типографию, велел показать себе первые оттиски.

— Да, недурно. Господин Каффе будет доволен. Сделайте, пожалуйста, всего пятьсот штук.

— Двадцать марок.

— Ладно уж...

В ночь под первое май клялись. Однако это было нелегко. Гестапо ведь тоже известно, что в такую ночь кто-то будет тесно рисовать и клеить. Гестапо тоже мобилизует силы. Уж очень им неприятно видеть на стенах и заборах коммунистические лозунги. Но и пролетарии не дремлют, и они мобилизуют свои силы. Кроме того, никакой полиции не хватит на патрулирование тысяч берлинских улиц в течение всех четырех четвертей каждого часа.

По этому поводу маленький Алекс сказал, что патруль — вещь диалектическая. Патруль приходит, но ведь он и уходит. И тогда — раз-раз — клей, ребята! А то «наци» ведь и стрелять умеют.

Ребята, мобилизованные на эту работу в Ваддингере и Моабите, так и работали по рецепту Алекса — раз-раз!

... И вот утром, в день 1 мая, в Ваддингере и Моабите среди фашистских плакатов красовались дружные: те же, как будто, да не те. Сделано было чисто. Вот как выглядели новые плакаты.

ских улиц в течение всех четырех четвертей каждого часа.

По этому поводу маленький Алекс сказал, что патруль — вещь диалектическая. Патруль приходит, но ведь он и уходит. И тогда — раз-раз — клей, ребята! А то «наци» ведь и стрелять умеют.

Ребята, мобилизованные на эту работу в Ваддингере и Моабите, так и работали по рецепту Алекса — раз-раз!

... И вот утром, в день 1 мая, в Ваддингере и Моабите среди фашистских плакатов красовались дружные: те же, как будто, да не те. Сделано было чисто. Вот как выглядели новые плакаты.

Полюбка со словом «Интер» закрыла белый круг с фашистским «пауком» и получила красный плакат, где вместо лозунга «наци» о «национальном труде» появилась лозунг, возмущавший международный праздник пролетариев всего мира.

В Моабите нашлись и свои граверы на линолеуме. И правый кружок вместо плаката был закрыт тремя буквами «ИПГ», а поперек всего плаката — лозунг «Свободу Тельману!» Вышло замечательно!

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

— Я ведь всегда говорил — больше голов, чем потажи.

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

— Я ведь всегда говорил — больше голов, чем потажи.

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

— Я ведь всегда говорил — больше голов, чем потажи.

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

— Я ведь всегда говорил — больше голов, чем потажи.

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

— Я ведь всегда говорил — больше голов, чем потажи.

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

— Я ведь всегда говорил — больше голов, чем потажи.

В Нейкельне, в типографии, где так добросовестно был выполнен заказ, появились люди из гестапо. Владелец типографии указал на фирму «Каффе» и Ко». Разыскать эту мифическую фирму, понятие, не удалось. И когда ребята снова встретились на футбольном поле и стали радостно поздравлять маленького Алекса, тут важно ответил:

М. КИРЕЕВ

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Золотая стрелка часов сделала уже несколько оборотов. Но не ослабевает праздничное кипение Красной площади.

«Живое двигая вперед,

Могучих партия ведет:

Шагает трудовой народ

И ты их знаешь, Сталин!» *)

Бесконечной кажется демонстрация. Да и в самом деле, где же конец? За Красной площадью, за Москвою? Нет, все равно не увидишь конца. Изумрудная зелень полей, березовые трибуны перед сельсоветом. И здесь — оркестры, знамена, колонны, и здесь портреты вождя. Сидите на самом быстром ходу, аэроплан, облетите всю необъятную нашу родину, — и вы не найдете конца демонстрации.

Конец великого шествия отсекали границы, концентрационные лагеря, тюремные решетки, — но и там поют боевые первомайские гимны — громко, вполголоса или шепотом, и там пылают огнем и кровью неугасимые знамена пролетарской революции, и там рабочие держат ногу в такт своей далекой головной колонне, ликующей перед бессмертной трибуной в Москве.

Радостно и грозно, на весь мир гремит песня этой колонны.

Ласково и зорко всматривается Сталин в лица марширующих бойцов.

«За здоровье бойцов! За здоровье мужественных и отважных! За здоровье бойцов всех родов оружия! За всех большевиков: партийных и непартийных. Да, и непартийных... Партийных меньшинство. Непартийных большинство. Но разве среди непартийных нет настоящих большевиков? Большевики — это тот, кто предал до конца делу пролетарской революции...»

Тысяча семейств бойцов в едином порыве отвечают возглас бурей восторга. Он повторяет свою речь в другом зале. Слова несокрушимой силы минуют мрачные стены дворца и облетают всю страну. И вся страна отвечает любовью и преданностью на праздничный тоот вождя.

Горные соколы, могучие львы, вскорлупленные матерью-родиной, храбрецы и герои... 4 мая в Кремлевском дворце снова прозвучала сталинская речь. Ее слушали, лицом к лицу с вождем, академик Красной армии, и каждое слово этой речи впитывали миллионы умов и сердец по всей необъятной стране.

«Так вот, товарищи, если мы хотим положить с успехом конец области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и протолкнуть ее в действии, — мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу».

Это был изумительный весенний бев. Сталинские слова уняли на добрую почву, проросли и вызрели новыми чудесными плодами.

С неизведанным ранее чувством и энергией спускался в шахту Алексей Стаханов, другой походкой шла на свою плантацию Мария Демченко, по-иному заглядывая свои станки ткачихи Виноградовы, неуверенно валился вперед, разлаживая пространства, паровоз Петра Кривоноса, и летчику Боккина захотелось еще выше подняться небесный потолок. Буно пролетали плодородные семена!

Это была маевка 1935 года, по счету сорок шестая в мире, восемнадцатая в СССР.

Сегодня снова поднимается победное шествие, оно будет еще могучее, красочнее, необычнее.

Жить стало лучше, жить стало веселее.

*) Стихи Сулеймана Сталевского.

